

Исследование правил трансформации лексических единиц языка в ситуации их функционирования как элементов дискурса

Куприянчук Карина Викторовна

Студент (бакалавр)

Российский университет дружбы народов, Филологический факультет, Москва, Россия

E-mail: karina.kuprianchuk@mail.ru

В статье предпринята попытка исследования правил трансформации лексических единиц языка в ситуации их функционирования как элементов дискурса. Под дискурсом вслед за Ю.С. Степановым понимается языковой продукт социального характера, в котором выражается «особая ментальность», «особая идеология», «особый мир». «В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это - «возможный (альтернативный) мир» [1: 44]. Были исследованы языковые единицы, формирующие образы «ополчения» в дискурсе военного конфликта на Востоке Украины 2014 года, представленные во французских, английских, украинских и российских СМИ.

Главной функцией информационного жанра является передача информации. Однако, если речь идет о дискурсе в собственном смысле слова, то неизбежно появление, а следовательно и учет смыслов и идеологем, стоящих за тем или иным текстом-дискурсом и формирующих особую семантику языковых единиц, релевантную только в данной системе. Для образности подачи информации используются различные языковые механизмы. Наряду с эксплицитными механизмами формирования образности информационных текстов, используются и имплицитные. В данном случае, имплицитным механизмом выступает изменение семантической структуры слова, которая меняется в зависимости от контекста. Такая обусловленность контекстом ведет к изменению семантической структуры слова, что позволяет достичь идеологичности представления конфликтов.

Материалом исследования послужили информационные статьи о военном конфликте на Востоке Украины 2014 года, представленные во французских, английских, украинских и российских СМИ. Данные статьи были выбраны в период с октября 2014 по январь 2015 года из газет и журналов (в том числе интернет-версий) близких к официальной позиции правительств четырех стран.

В результате первичного семантического анализа были выделены лексические единицы поля «военный конфликт», которые, в свою очередь, были поделены на три класса:

1. агент действия;
2. действие, производимое агентом действия;
3. место разворачиваемого действия.

Исследуемый лексический материал был разделен именно на такие три класса ввиду того, что практически с помощью языковых средств дифференцируются агент действия, представляющий собой две активные противопоставленные друг другу стороны, производимые действия и место осуществления этих действий.

В данной статье приводится результат анализа лексики, относящийся к классу «агент действия». Этот класс включает в себя Агент1 (A1), который обозначает субъектов оппозиционных правительству или государству, в данном случае правительству Украины и Агент 2 (A2), обозначающий проправительственные войска на Украине. В данной работе приведены результаты анализа A1 в дискурсах военного конфликта на французском, английском, украинском и русском языках.

В дискурсе французских СМИ были выделены следующие единицы: *guerriers* (воен. боец; солдат), *belligérents* (общ. воюющая сторона; воюющий), *insurgés* (общ. повстанец), *prousses* (человек имеющий про-российские настроения), *rebellion* (общ. мятеж; бунт); в дискурсе английских СМИ: *fighter(-s)* (общ. боец; воин; борец); в дискурсе украинских СМИ: *новоутворення* (общ. новообразования), *бойовики* (воен. боевики), *терористи*, *найманці* (общ. наёмники), *диверсанти*, *бандформування* (общ. бандформирования), *угруповання* (общ. группировки); и в дискурсе российских СМИ: *ополчение*, *недовольные жители*, *силы ополчения*, *силы самообороны*.

Для определения семантической роли этих единиц в формировании образа «ополчения» в дискурсе военного конфликта, был проведен анализ словарных дефиниций и семантический анализ оппозитивно-компонентным методом. С помощью анализа словарных дефиниций были выделены семы, формирующие образы Агента 1. Таких сем с учетом всех анализируемых языков было выделено двенадцать. Были построены две таблицы, результирующие проведенную работу. Первая таблица содержала в себе характеристики семного состава каждого слова в каждом языке соответственно, опираясь на значение этих слов в словаре. Вторая таблица содержала в себе характеристики семного состава тех же слов в каждом языке соответственно, но уже учитывая их значение, обусловленное контекстом, в котором данные слова были использованы. После сравнения двух таблиц были выявлены изменения в семном составе ряда лексических единиц в дискурсивном поле каждого языка соответственно.

Данные лексические единицы претерпели компонентные изменения в своем составе. Лексемы либо теряли имеющиеся семы, либо приобретали новые. Таким образом семный состав слов унифицировался, что привело к формированию иной структуры категориальных лексико-семантических отношений, а также к искомой коннотативной нагрузке дискурса. Для формирования образа «ополчения» в исследуемом дискурсе были широко использованы синонимы. Синонимический ряд представлен большим количеством лексических единиц, многие из которых вне данного дискурса не являются синонимами. Например, во французском дискурсе слова *guerriers* и *rebellion*. Возможность использования данных слов в качестве синонимов обусловлена унификацией семного состава слов. Лексические единицы претерпели компонентные трансформации в силу их дискурсивного употребления в заданном прагматическом поле во французскими, английскими, украинскими и российскими СМИ. Можно сделать вывод, что такие явления как гомогенность состава сем, несоответствие контекстуальной семантики данных языковых единиц семантике их словарных дефиниций, а также выстраивание определенной структуры контекстуальных синонимов являются следствием семантических трансформаций, которые способствуют формированию определенного образа «ополчения», обусловленного прагматическими целями, что определяет дискурсивную природу данных текстов.

Источники и литература

- 1) Литература Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности. // Язык и наука конца 20 века: Сб. Статей. М.: Рос. Гос. Гумант. Ун-т, 1995, с. 44